

венных инстанций, а к отчуждению самого существа личности (его cogito, тождества самосознания, свободы, ответственности и т. д.) в пользу квазисубъектов. Да, нравственное совершенство личности (как и ее материальное благосостояние) декларируется этими институтами. Как мы видим, на деле уже именно сами эти институты определяют цели этого совершенства, однако средства для достижения этих целей избираются неморальные. Система моральных благ задается корпорацией, профессиональным сообществом, государственной властью, и высшими ценностями признаются цели институтов, а не человека. Индивиду предлагается включиться в процесс создания и распределения на этот раз духовных благ (быть может, это просто дешевле?). Наши новые субъекты моральной жизни порождают такие социальные условия, при которых нет необходимости в нравственных усилиях со стороны субъекта, поскольку сама мораль уже конституируется вне сферы полномочий морального субъекта, по ту сторону добра и зла, в *законе*.

Юридическое лицо как субъект этической анонимизации*

Шукин Д. А.

Находясь в символической системе, субъект принимает на себя многочисленные роли и находится в состоянии непрерывного обмена одних символических функций на другие, доступные благодаря интегрированности в различные коммуникативные сообщества. Наиболее очевидный пример подобной «символической экономики» демонстрирует тот факт, что, словно следуя закону сохранения энергии, символический капитал может быть переведен на язык денежных единиц, равно как возможна и обратная их конвертация.

В этой логике продажа и покупка идентичности, ценностей, возможностей осуществляется тем более активно, чем более отличен потенциал индивидуального субъекта от его надындивидуального аналога. Этим аналогом служит тот симулякр субъекта, кото-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00505).

рый формируют механизмы включения его в широкие дискурсивные практики, зачастую массовые. Речь идет о принятии индивидом деиндивидуализированных прав и обязанностей, которые удалены от его базовой структуры.

Как правило, первичные (хотя и также принадлежащие дискурсивным маркерам) предикаты индивида, не лишаящие его статуса морального субъекта, такие как, к примеру, пол, возраст, гражданство, религиозная принадлежность, можно отличить от вторичных предикатов, которые зачастую более неустойчивы и динамичны, хотя первые имеют тенденцию к усилению, делающему их свойства сходными со свойствами последних. Так, следование человека символическому маркеру «государство» сопровождается гиперболизацией значения ценности патриотизма, который в период войн превращает гражданина в солдата, обладающего обязанностью и свободой убивать вкупе со своеобразной индульгенцией соответствующего рода. Габитус, определяющий субъекта, в определенной мере заменяет его собой и в том смысле, в котором это понятие введено Пьером Бурдьё, преодолевает здесь собственные границы¹. Являясь структурированной структурой, он воспроизводит забываемые исторические закономерности, но, согласно Бурдьё, не имеет ничего общего с установленной системой правил, следование которой защищает индивида от беспощадного гнета системы.

При определенных условиях пул диспозиций может быть расширен до жесткого набора правил и становится их символическим двойником. Габитус не обладает сознанием и волей и не предполагает наличие завершенной цели, но практики габитуса могут актуализироваться в пространстве определенной инстанции, в частности, правовым образом цементированной корпорации, юридического субъекта.

Исключительно важен тот факт, что этические отношения между двумя субъектами в случае, если один из них включен в дискурсивное поле инстанции, подвергаются деструкции, а один из субъектов начинает говорить через обобщенного Другого, исчезая из поля зрения оппонента. Подобная этическая анонимизация оказывается важнейшим инструментом конструирования социальной реальности, позволяет реализовывать ряд запрещенных действий и избегать опасности погрузиться в «круг талиона», расширенного до принципа симметричных ответов.

¹ См.: Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 40–58.

Более того, этическая анонимизация дает возможность вырваться из цепей категорического императива, который, как и золотой закон нравственности, основан на принципиальной соразмерности субъектов. Когда человек реализует решение дискурсивного сообщества, в котором в момент акции символически растворен, он производит десимволизацию (или ресимволизацию, в зависимости от точки зрения) своих действий, которые визуализируются в деэтизированной форме.

Именно деэтизация действий как нельзя лучше описана в «Банальности зла» Ханны Арендт¹. На примере Адольфа Эйхмана, в задачи которого входило «окончательное решение еврейского вопроса» в 40-е гг XX в., демонстрируются последствия радикальной анонимизации, сопровождаемой слиянием практик габитуса с жесткой вертикальной властной структурой. Фигура Эйхмана далека от демонического идеала моралистов, а совершенные им преступления совершены как следствие предзаданного порядка (вопрос о вынужденности этого следования, вызывающий бурные дискуссии, следует опустить). Апелляция к кантианскому моральному закону включена в саму структуру оправдания: «И, ко всеобщему удивлению, Эйхман разразился довольно точным определением категорического императива: “Под этими словами о Канте я имел в виду, что моральные нормы моей воли всегда должны совпадать с моральными нормами общих законов” (что не относится, например, к вора и убийцам, потому что вор или убийца по определению не может желать жить в такой юридической системе, которая давала бы другим право обкрадывать или убивать его самого). Отвечая на дальнейшие вопросы, он добавил, что читал “Критику практического разума” Канта. И далее пустился в объяснения, что с того момента, как его обязали выполнять “окончательное решение”, он перестал жить в соответствии с кантианскими принципами, что он сознавал это, но утешал себя мыслью о том, что он больше не был “хозяйном своих собственных поступков”, что не в его воле было “что-либо изменить”»². Подобная аргументация не выдерживает критики с точки зрения кантианского разумного существа — автономного морального субъекта, но логика анонимизации искажает понятия. Дискурс, интересующий Арендт, отсылает к архетипическим взаимоотношениям палача и жертвы.

¹ См.: Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.

² Там же. С. 204-205.

Прекрасным примером различения абстрактных отношений двух индивидов, анализируемых сквозь призму субъективной интерпретации, может служить ситуация казни. Ларс Свендсен пишет: «В большинстве случаев между негативным воздействием и позитивным результатом поступка для жертвы и палача соответственно существует огромная пропасть»¹. Для человека, над которым совершается казнь, палач обретает форму тотального зла, врага в его максимальном проявлении, угрожающего жизни, в то время как абстрагирование помогает выявить чисто механический аспект взаимодействия мучителя и жертвы. Палач делает свою работу, хотя она, что отмечает Мишель Фуко, может обретать дополнительную символизацию: палач является «рукой короля», вершащего суд над преступником².

Эта обратная реакция, дегуманизация того, кто человеком является, оказывается исключительно показательной. Речь идет даже не о том, что Другой воспринимается как зло, нечеловеческое существо ввиду своей нравственной отравленности, но скорее о том, что человек в принципе выводится за рамки этического пространства, уподобляясь животному в концепции Декарта. Такая дегуманизация сильнейшим образом связана с потерей собственного лица субъекта в массе.

Массовое уничтожение евреев в концентрационных лагерях удивительным образом предполагало исчезновение отдельного человека, не воспринимаемого в качестве врага ввиду статусного отличия и исключенности из этического пространства, но сопровождалось верой со стороны палачей в нравственную испорченность тех же жертв как единой массы. Весь процесс уничтожения людей, включающий оголение, обыски полостей внутри тела, сбрасывания волос и бровей, ужасающие условия жизни, утверждаемый в конвейерном порядке, имел своей целью превращение человека в вещь. Важнейшее значение, по заверениям самих служащих концентрационных лагерей и лагерей смерти, имел и факт неоказания евреями сопротивления, который словно подтверждал их пассивность и неодушевленность.

В то же время идеологическая доктрина объявляла евреев врагами народа, теми, кто мог уничтожить немецкую государственность и ставил под угрозу жизнь каждого немца в отдельности.

¹ Свендсен Л. Философия зла. М., 2008. С. 112.

² См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.

Здесь возникает удивительная ситуация, когда образ врага не просто оторван от той совокупности Других, к которой логически относится, но сохраняет некое инверсированное положение по отношению к ней.

Безусловно важно, что обратная сторона отношений палача и жертвы, то есть отношения угнетающего к угнетаемому, строится на тех же основаниях статусного соответствия. Пока жертва сама включает себя в этическое поле и предполагает, что мучитель равен ей, он воспринимается в качестве существа враждебного, потеря самоидентификации, сопровождаемая внутренней ломкой, обнажает такой статусный разрыв, который мгновенно «снимает» отношения враждебности. Так религиозная доктрина предполагает терпеливое и подчиненное отношение к Богу, который обладает властью карать и миловать. Бросить вызов Богу — уничтожить само понятие божественного.

Правовое закрепление понятия юридического лица привело к фиксации практики этической анонимизации, связанной с нарушением баланса статуса субъектов. Необходимо обратиться к ключевой дискуссии о сущности юридического лица, сторонами которой являются своеобразные репрезентации номиналистской и реалистской позиций. Номиналистская трактовка юридического лица появляется раньше и предполагает, что последнее представляет собой телесную, материальную сущность, имущество, которое может использоваться субъектами в различных целях. Юридическое лицо является фикцией, за которой стоит совокупность заинтересованных индивидов. В рамках номиналистской парадигмы вся совокупность характеристик юридического лица есть отражение характеристик его пользователей. Речь здесь идет не только о правовом пространстве, но и об этической разверстке существования разнородных агентов. Моральная ответственность юридического лица в этом случае есть ответственность каждого дестинатора. Однако этическая позиция тех индивидов, которые действуют под эгидой юридического лица, но не включены в управление сообществом, носит иной характер. Основная проблема этой логики заключается в необходимости разделения сфер ответственности, которую несут дестинаторы, и поиска границы между действием сотрудника как автономного субъекта и автономного субъекта, теряющего автономность при реализации функций сотрудника.

Здесь проявляется закономерность освоения властных практик — властная практика в лучших традициях диалектической логики содержит в себе собственное отрицание, причем внутренние

моральные институции субъекта начинают все активнее реализовывать свою непосредственную регулятивную функцию в результате ответа на вызов моральной анонимизации, совершенной юридическим лицом. На подобную реакцию способен лишь тот, кто не просто выстраивает свою идентичность с учетом элементов структуры дискурсивного сообщества юридического лица, но стремится реализовывать властные функции по отношению к этому сообществу, то есть берет на себя карательные дискурсивные практики. Данное концептуальное усложнение концепции играет роль при разборе прагматики существования конкретных организаций, однако с точки зрения основных целей юридического лица, попытка индивидуального субъекта вернуть утерянные в процессе реализации символической экономики функции не является столь уж значимой.

Как пишет исследователь проблемы коллективной ответственности Питер Френч, каждая корпорация обладает специфической структурой принятия решений, которую в рамках данной статьи можно трактовать как габитус, дополненный телеологическим наполнением¹. Несмотря на наличие различных порядков свобод и уровней ответственности, решение каждого индивида является не только и не столько проявлением его концептуальной позиции, но и реализацией практик, закрепленных в дискурсе сообщества. Именно присутствие этого трансцендентального элемента позволяет говорить о правосубъектности юридического лица со специфическими юридическими правами и обязанностями. *Universitas*, согласно римскому праву, несмотря на необходимость действовать через частных субъектов, действовало самостоятельно и могло рассматриваться и как единство, и как множество, приравниваясь к физическому лицу, обладающему собственной свободой и жизненным циклом². В этом русле формируется отличная от номиналистской позиция, в рамках которой юридическое лицо, равно как общество в целом, анализируется в качестве подлинно существующего явления: «Когда люди впервые становятся членами организации, они оказываются перед лицом социальной структуры, включающей типы взаимодействий между уже имеющимися членами организации и ожидающей от новых членов определенной манеры поведения. И не имеет значения,

¹ См.: French P. *Collective and Corporate Responsibility*. N.Y., 1984.

² См.: Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 20–25.

какое положение занимают новые члены; организация устанавливает систему норм и ожиданий, которым должна следовать любая личность и которые продолжают существовать, невзирая на текучесть персонала. Конечно, нормы и ожидания устанавливают индивидуумы, но сами они существуют намного дольше тех лиц, которые когда-то определили политику организации»¹. Уникальность ситуации заключается в том, что сообщества индивидуальных субъектов безусловно воображаемы, им отказано в физическом существовании, но оно одно придает феноменам статус реального.

Подобная логика, безусловно, грозит постмодернистской перспективой нивелировать само понимание автономного морального субъекта, так как дискурсивные практики довлеют над индивидом непрерывно, что делает невозможным рассуждение о его свободе и признает истинность лапласовского детерминизма. Жижек позволяет вновь вернуться к теме баланса насилия, но уже в ином ключе: «То, с чем мы здесь сталкиваемся — это, строго говоря, извращенная позиция принятия положения чистого инструмента Воли большого Другого: это не моя ответственность, вовсе не я это делаю, Я только — инструмент более высокой Исторической Необходимости... Непристойное удовольствие этой ситуации вызвано тем фактом, что я осознаю себя в качестве оправданного за то, что я делаю: разве не приятно быть в состоянии причинять боль другим с полным осознанием того, что я не ответственен за это, что я только исполняю Волю Другого»². Если любая социальная общность функционирует в соответствии с закрепленными в структурах сознания правилами, зачастую включенными в бессознательные механизмы регуляции, если она превышает субъекта, любое частное решение вырабатывается в соответствии с универсальными априорными установками, находящимися за пределами сферы влияния субъекта. Детерминизм реорганизует моральные практики, но эта реорганизация, как ни странно, может быть остановлена чисто правовым способом, путем выработки символического эталона. На вопрос о необходимости барьера, который отделяет автономного субъекта от

¹ Холл Р. Х. Организации: структуры, процессы, результаты. СПб., 2001. С. 37–38.

² Жижек С. Кант и Сад — Идеальная пара [Электронный ресурс] // Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/translab/texts/zizec/zizec.html> (дата обращения: 20.09.2012).

превращения в медиума дискурсивных практик, помогает ответить собственно правовое понятие юридического лица. Это попытка институционального и символического разграничения сфер компетенции. Этический кодекс корпораций, как правило, предполагает разделение внутреннего регламента взаимоотношения сотрудников и общей этической миссии компании. Юридическое лицо определяет границы анонимизации и формирует своеобразный рубеж между личной и коллективной ответственностью: совесть субъекта взывает к нему лишь тогда, когда он является единоличным распорядителем собственных решений¹.

Функция символического барьера является вторичной по сравнению с собственно правовой функцией расширения возможностей актора в юридическом, политическом и экономическом смыслах. Не стоит также отказывать юридическому лицу в обладании собственно моральной ответственностью в пользу ответственности правовой.

Таким образом, «символическая экономика», создавая эфемерные, но от этого парадоксальным образом не теряющие реальность, фикции, помогает субъекту совершить обмен собственной свободы на социальную укорененность и моральный иммунитет. Интерпретированное в правовой дискурс понятие юридического лица как следствие учредило не только нового правового, но и морального субъекта, который реализует абсолютно легитимную и легальную, с точки зрения господствующего дискурса, анонимизацию индивидов, включенных в ее структуру.

Литература

1. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.
2. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 40–58.
3. Жижек С. Кант и Сад — Идеальная пара [Электронный ресурс] // Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/texts/translab/texts/zizec/zizec.html> (дата обращения: 20.09.2012).
4. Свендсен Л. Философия зла. М., 2008.

¹ Хесле В. Философия и экология. М., 1991. С. 95.

5. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
7. Хесле В. Философия и экология. М., 1991.
8. Холл Р. Х. Организации: структуры, процессы, результаты. СПб., 2001.
9. French P. Collective and Corporate Responsibility. N.Y., 1984.

**«Кодекс профессиональной этики
образовательного сообщества»:
обсуждение концепции***
(Материалы круглого стола)

*Бондаренко Л. И., Гусев Д. А.,
Ларионов И. Ю., Овчинникова Е. А.,
Положенцев А. М., Перов В. Ю.,
Щукин Д. А.*

Перов В. Ю.: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Позвольте открыть круглый стол, своеобразный теоретико-практический семинар, посвященный анализу «Концепции Кодекса профессиональной этики образовательного сообщества», который был утвержден Советом Российского Союза ректоров (РСР), и предполагается, что он будет принят в этом году на Всероссийском Съезде ректоров. Так или иначе, в случае принятия, он будет затрагивать нас всех, и как субъектов образовательного пространства, и как специалистов в области этики.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00505).